

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9

ГРНТИ 15.81.29

ОТНОШЕНИЕ К ВЛАСТИ И ЛИЧНОСТИ В АНАРХИЗМЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

© 2025 г. А.Д. Карнышев*, О.А. Карнышева**

** Доктор психологических наук, профессор, заведующий междисциплинарной лабораторией психолого-экономических и кросскультурных исследований Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»;
г. Иркутск, Россия
e-mail: ale3441@yandex.ru*

*** Кандидат психологических наук, доцент педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»; г. Иркутск, Россия
e-mail: borisovvla@yandex.ru*

Изложены позиции, что многополярный мир можно рассматривать в качестве «глобального анархизма», «проявления эпохи международной анархии». И одновременно отражено, что в традиционных и современных источниках в содержание анархизма включено не только и не столько внимание к идее безначалия и безвластия, сколько подчеркивание в нем тенденций самостоятельности личности и ее свободной инициативы. Показано, что триада «взаимопомощь-справедливость-нравственность» в эволюции всего живого, в т.ч. и людей, а в общем плане «природная этика», были одним из основных предметов этических исследований анархизма у одного из основных его теоретиков П. Кропоткина. При этом он видел в анархизме следующий этап биологической эволюции. В статье показано, что, при в целом противоречивой нравственно-психологической оценке анархизма, существуют позитивные взгляды на теорию Кропоткина отечественных философов Н. Бердяева и С. Булгакова. А также раскрыты причины и факты признания идей Кропоткина среди современных известных западных исследователей-естественников и психологов (Э. Аронсон, Ф. де Вааль, Д.

Уилсон). Английский ученый и журналист М. Ридли назвал книгу П. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции» бессмертным наследием и пророческим трудом в отношении, прежде всего, идеалов свободного общества. Среди позитивных тенденций анархизма, значимых для многополярного мира, можно назвать: способы согласования в интересах благополучия сообществ потребностей индивидуума с потребностями кооперации; ориентацию на природную этику через универсальный моральный принцип «Относись к другим так, как ты желал бы, чтобы они относились к тебе при тех же обстоятельствах»; признание, что анархизм категорично может выступить против «жесткой» власти, но с «мягкой» вступить в диалог. В числе относительно негативных выступают: подогревающий крайний эгоизм социальный атолизм, асоциальные последствия лозунга «страсть к разрушению есть творческая страсть»; опасность, что свободные анархические общины могут превратиться в идиллические мещанские утопии, психологически связанные не только с эгоизмом, но и с непотизмом — фаворитизмом, кумовством и т.п. Авторы считают, что в данных аспектах необходимо усилить роль психологии труда и организационной психологии, а также осуществлять корректировку стиля управления и воспитания.

Ключевые слова: глобальный анархизм, полицентричный мир, полиэтничность и полиментальность, взаимопомощь, природная этика, индигенность, свобода и самостоятельность личности, «жесткая» и «мягкая» власти, непотизм.

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АНАРХИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ МИРА

Анархизм в разных отечественных словарях имеет несколько интерпретаций, в том числе «общественный порядок без государства и без наемного труда», а анархия — либо совершенное отсутствие власти, либо парализованность её функций. В «Иллюстрированном толковом словаре иностранных слов» Л. Крысина в греческой основе данного понятия приводится несколько значений: неповиновение властям, безначалие, безвластие, полный беспорядок. Многозначность понятия в связи с многополярным миром проявляется в том, что некоторые исследователи и публицисты употребляют термин «глобальный анархизм» для, во-первых, обозначения «безвластных» форм самоорганизации сообществ в многополярном мире, а во-вторых, фиксации феномена роста в них сторонников анархизма. По большому счету, в этом нет ничего принципиально нового: Г. Киссинджер в книге «Мировой порядок» говорил об «анархической сущности мира», которую нужно облагородить «с помощью обширной

сети международных правовых и организационных структур» (Киссинджер, 2019, с. 14). Немало исследователей и практиков считают, что в современную эпоху, расширяющую права и свободы граждан, представляющую им неисчислимые варианты экономического и политического поведения, миграционных возможностей, анархическое учение уже не кажется неприемлемой альтернативой, отталкивающим явлением или утопией, не имеющей перспектив реализации. С другой стороны, касаясь специфики нашей статьи, стоит вспомнить, что некоторые политики, например, Ф. Лукьянов — главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» один из главных модераторов заседания Валдайского клуба в Сочи в 2025 г. под названием «Полицентричный мир: инструкция по применению», утверждают, что многополярный мир — это никакой не порядок, а фактические проявления эпохи международной анархии, где каждое государство и их союзы ведут себя по-своему. Скорее всего, в этом можно видеть закономерную реакцию на определенные общие тенденции глобализации, стимулируемое стремлением «облагородить глобальный анархизм». В конце прошлого и в начале нашего века, появился ряд публикаций о глобальном управлении и глобальном сотрудничестве, в части из которых утверждалось, что о глобальном управлении можно будет говорить по большому счету только тогда, когда исполнение этих функций будет передано с государственного на наднациональный уровень. На форуме «ШОС+» в Пекине в сентябре 2025 г. Председатель компартии Китая Си Цзиньпин выдвинул инициативу о внедрении глобального управления, как более справедливой и равноправной системы на основе международного права, и В.В. Путин поддержал его. В таком же ракурсе «работает» расширение использования понятия «полицентризм»: наличие в системе международных отношений несколько наиболее сильных государств или блоков, «центров притяжения», взаимоотношения которых определяют развитие мировой политики.

Что касается сущности рассматриваемого в статье вопроса, в российской «Краткой философской энциклопедии» в содержание анархизма включено не только и не

столько внимание к идее безначалия и безвластия, сколько подчеркивание в нем тенденций самостоятельности и свободной инициативы людей. Анархия — состояние, в котором находится общество, когда в нем упразднена государственная власть. Анархизм — это учение об обществе, которое в качестве руководящего начала признает только волю отдельной личности, всякий же авторитет и государственный строй отвергает. В таких теоретических построениях «Энциклопедия...» видит сближение анархизма с либерализмом.

К идеям глобального анархизма могут подталкивать и отдельные теоретические выкладки политологов и психологов. Например, в таком ракурсе можно рассматривать позицию автора «Теории многополярного мира» А. Дугина, считающего, что в многополярном мире нет нормативных правил, которые претендовали бы на универсальность. Сколько обществ, столько и вариантов их организации (Дугин, 2024). Что касается социальных психологов, они после первых попыток анализа феномена многополярного мира стали считать, что преимущественно это — вотчина политиков и политологов, и это мнение приходится преодолевать (см. Бовина, 2012; Карнышев и др. 2023, 2024). Относительно тенденций анархизма в многополярном мире может сработать точка зрения психологов из МГУ И.Б. Бовиной и Е.О. Голыничик, утверждающих, что «существует и понимание современного мира как “бесполярного”, и это рассматривается как негативное явление, естественное следствие глобализации» (Бовина, 2012, с. 49-50). Также вряд ли можно отрицать, что явление *полиментальности* — одновременное наличие и функционирование в обществе (социуме) разных исторически сложившихся менталитетов, - анализируемое В.Е. Семеновым, - не имеет отношения к возможности проявления анархических тенденций (Семенов, 2023).

ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ И ИНДИГЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И СОЦИУМА В АНАРХИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В организационно-психологическом и этнокультурном плане можно уверенно утверждать, что нельзя конструировать многополярный мир только средствами

политиков и для политиков. Анализ социальных идей приводит к выводу, что многополярный мир может быть построен только на основе интересов больших и малых сообществ и простых людей — личности, семьи и группы, с пользой для них и при их непосредственной активности. Знаменитый американский психолог Я.Л. Морено как-то заметил: «человеческое общество нельзя изменить косвенной, механической манипуляцией или применением силы. Какие бы правительства или социальные учреждения ни навязывались народу, будь то кооперативные сообщества, коммунистические, демократические, автократические или анархические формы правления, рано или поздно они утратят свою власть над людьми. Люди отказываются от них, если они не коренятся в продуктивной энергии народа и если не создаются с полноправным участием каждого отдельного участника общества» (Морено, 2004, с. 257, 245). Как бы в качестве подтверждения данной тенденции в конце XX-го века появились понятия «индигенная личность», «индигенность», «индигенизация» как специфические варианты этнокультурных феноменов, связанных с многополюсным (многополярным) миром. Они проявились у одного из основателей концепции многополюсного мира, американского ученого С. Хантингтона, который в свою работу включил раздел «Индигенизация: возрождение не-западных культур». В частности, он подчеркнул значение личности и «индигенной энергии» «азиатов» для «восточного» рывка. «Жители Восточной Азии приписывают своё стремительное экономическое развитие не импорту западной культуры, а, скорее приверженности своей традиционной культуре. Они добиваются успехов, по их утверждению, потому что они отличаются от Запада» (Хантингтон, 2022, с.141, 144). В нашем монографическом исследовании о ресурсах личности и этноса в современном многополярном мире на индийском и китайском примерах показана обоснованность такой точки зрения (см. Карнышев и др., 2025).

При детализации истоков фундаментальной идеи феномена «анархизм», С.Н. Булгаков, анализируя идеалы одного из известных адептов анархизма У. Годвина,

утверждает, что их возможные вариации наблюдаются уже у А. Смита и у Локка, что вообще во всей представленной данными авторитетами «философской школе» задачи государства как важнейшего представителя власти сведены к минимуму. Расширение задач государства есть «посягательство на естественную свободу... дальнейшее ограничение задач государства есть сведение их к минимуму, т.е., в конце концов, к нулю — идеал чисто анархический» (Булгаков, 2007, с. 455). Я. Морено, следуя в данном направлении, считает примером анархической формы правления известное экономистам выражение «laissez-faire» — «делай, что хочешь, поступай, как хочешь» (Морено, 2004, с. 253). У известного отечественного теоретика (и практика) анархизма П. Кропоткина по данному правилу в очерке «Нравственные начала анархизма» есть признание: «Нам не страшно сказать: “Делай что хочешь, делай как хочешь”, потому что мы уверены, что громадная масса людей, по мере того как они будут развиваться и освобождаться от старых пут, будут поступать так, как лучше будет для общества...» (Кропоткин, 1991, с. 305).

Интересен в этом плане комментарий Н. Бердяева, содержание которого можно обозначить анархизм «по Бакунину» и «по Кропоткину». В частности, последний считал, что главная слабость мировоззрения анархиста Бакунина — в отсутствии сколько-нибудь продуманной идеи личности, поэтому в его анархизме личность не способна к созидательной общественной активности и не мотивирована на неё. У Кропоткина, в его анархо-коммунизме, окрашенном в цвет идеологического оптимизма, как определял его Н. Бердяев, свободная личность в своих начинаниях оптимистична и нацелена на сотрудничество с другими. Принципы анархизма по Кропоткину стремятся к созвучию с общественными ценностями, поэтому «субъекты» анархизма во многих ситуациях «будут поступать так, как лучше будет для общества...» (Кропоткин, 1991, с. 305).

Таким образом, позитивной стратегией активности свободной личности в анархических структурах должно быть использование своих «свободных» ресурсов в интересах самой себя и общества. Но, к сожалению, тенденции такого рода в

современном мире чаще всего трудно воплотимы в жизнь не только из-за авторитарных и бравирующих своими ценностями государств, но из-за многих личностей, в силу своих зависимостей и сегодня ориентирующихся на непогрешимость административных образований. «Гордыня остается таким же страшным грехом для государства всеобщего благосостояния, каким она была в Средние века. Государство-отец не желает, чтобы его дети выросли. Патернализм опекающего государства не только навязывается людям, они жаждут его, так как он освобождает их от бремени свободы. Управляющий мир означает для многих исполнение желаний» (Большц, 2014, с. 19). Преодоление негативных тенденций такого двойственного положения, скорее всего, является одной из важнейших задач многополярного мира и обращение к некоторым анархическим идеям может сыграть в этом свою роль.

Но для соответствующей реализации существуют методологические и социально-психологические проблемы. Нельзя не отметить, что анархизм на рубеже XIX-XX веков, как идеологическое течение в силу своей социально-политической неустойчивости и практической неразборчивости в методах самореализации рядом известных мыслителей подвергся существенной, порою не совсем обоснованной критике. В частности, Н. Бердяев в работе о философии неравенства в письме десятом «Об анархизме» весьма негативно прошелся по социализму и анархизму, почти не оставив последнему положительных качеств. Даже свобода у анархизма ущербна. По его мнению, если социализм доходит до небытия в своей жажде равенства, то анархизм доходит до небытия в своей жажде свободы. Предел социализма — пустое равенство. Предел анархизма — пустая свобода. Если социализм верит в благость принудительной организации, то анархизм верит в благость естественного автономизма и атомизм человека. Самую негативную характеристику атомизма Бердяев видит в распадении всех общественных целостей на самоутверждающие атомы, на индивидуумы, начинающие с себя всю историю, отрицающие все высшие реальности (Бердяев, 1999). В. Семенов в качестве современного подтверждения приводит пример носителей либерально-

индивидуалистического менталитета, «для которых характерна выраженная фетишизация денег и глобалистско-прозападные потребительские ценности, *ведущие к утрате гражданско-национальной российской идентичности*» (Семенов, 2023, с. 880; курсив автора цитаты).

Но индивидуум не одинок в своем отрицании всего общественного. В русле практического атомизма Я. Морено под социальным атомом понимал круг знакомств индивида — круг близкий и не очень, и даже вычерчивал его схему. Социальному атому естественно суждено расширяться: «Индивид рождается уже в определенной структуре отношений, которая состоит из матери, отца, бабушки и так далее. По мере нашего развития объем социального атома постоянно увеличивается; в нем наша жизнь приобретает своё наиболее конкретное выражение» (Морено, 2004, с. 107, 114). Учитывая индивидуалистическую ориентацию и достаточно узкий и «тесный» круг субъектов атомизма в анархических структурах, Н. Бердяев делает попытку обрисовать его участников с помощью психологически отталкивающего (и, наверное, поэтому противоречащего некоторым другим его посылам) портрета: «В душевной основе анархизма лежит революционное бунтующее чувство обиды, жизненной неудачи, злопамятства против тех ценностей и благ, которые не дались и которые чувствуются чужими. Идеология анархизма близка черни, босякам, выброшенным за борт социальной иерархии» (Бердяев, 1999, с. 659).

В статье «Русское народничество и анархизм» Бердяев отмечает разрушительное влияние для общества идей одного из основателей европейского и мирового анархизма М. Бакунина, среди выводов которого есть и следующий: страсть к разрушению есть творческая страсть. В данной работе Бердяев противопоставляет основные направленности двух русских теоретиков анархизма: анархо-коммунизм П. Кропоткина «окрашен в цвет идеологического оптимизма, у Бакунина он окрашен в зловещий цвет разрушения и бунта против всего» (Бердяев, 1990, с. 55-56). В другой публикации он добавляет, что главная слабость мировоззрения Бакунина — в отсутствии сколько-

нибудь продуманной идеи личности. Личность «остается подчиненной коллективу, и она тонет в народной стихии» (Бердяев, 1999, с. 175). Наблюдая социально-психологическую «категоричность» оценки Бердяевым сути анархизма, нельзя не видеть противоречия в том, что анархизм в целом стремятся представить как «детище» сугубо русских людей, причем не «простых». «Поразительнее всего, - пишет Н. Бердяев, - что идеология анархизма есть по преимуществу создание высшего слоя русского барства, и этот русский анархизм приобрел общеевропейское значение. Баре Бакунин, князь Кропоткин, граф Толстой — создатели русского и мирового анархизма» (Бердяев, 2025, с. 57). Нельзя забывать, что «русскость» анархизма, как и соответствующие оценки появления многополярного мира, приветствуется многими современными европейскими политиками как возможность усилить их негативную окраску в контексте русофобии.

ГЛУБИННАЯ ПРИРОДНАЯ ЭТИКА В АНАРХИЗМЕ

П.КРОПОТКИНА

В чем-то соглашаясь с разрушительной ориентацией «русского» анархизма пред- и революционного времени, все же целесообразно, с одной стороны, расширить упоминание Н. Бердяева в отношении одного из названных им теоретиков анархизма - П. Кропоткина, с другой, - отметить отсутствие у Бердяева в адрес последнего негативных ярлыков. В работе «Русская идея» он пишет: «анархизм Кропоткина был несколько иного типа. Он менее крайний, более идиллический, он обосновывается натуралистически и предполагает очень оптимистический взгляд на природу и на человека. Кропоткин верит в естественную склонность к кооперации» (Бердяев, 1990, с. 175-176). Продолжая и расширяя такие характеристики, стоит вспомнить, что Кропоткин был известен в европейских странах и как ученый-естественник, имеющий солидный опыт в биологических исследованиях и географических экспедициях, и частично опирающийся на соответствующие знания и действия в своей политической практике. Данный его опыт и сегодня высоко оценивается зарубежными учеными, о чем мы еще скажем. Но начнем с того, что как биолог Кропоткин восхищался способностью

животных выстраивать свои «отношения» без каких-то «вышестоящих» правителей и считал, что в истоках природной этики и механизмах её переноса в жизнь человеческих сообществ, прежде всего в анархию, можно и нужно находить симбиоз естественных и нравственно-психологических закономерностей. Фундаментальный вывод делает М.Ридли по этой проблеме, исходя из предположений Кропоткина о глубинных истоках общества: «Оно работает не потому, что мы сознательно его изобрели, а потому, что оно есть древний продукт эволюционировавших склонностей и заключено в самой природе человека» (Ридли, 2014, с.16).

В детализации данной проблемы в качестве главного аргумента можно использовать рассуждение о предложенной Кропоткиным триаде «взаимопомощь — справедливость — нравственность», представляющей собой последовательные шаги восходящего ряда настроений в эволюции живых систем. Их «мы познаём при изучении животного мира и человека, и они представляют собой «органическую необходимость», подтверждаемую всем развитием животного мира с первых его ступеней до высших человеческих обществ» (Кропоткин, 1990, с. 254-255). Такой подход, заметно расширяющий сугубо социально-политические концепции Бердяева и Булгакова об истоках организации человеческих сообществ и органов власти в них, он зафиксировал в ряде тезисов своей известной работы «Нравственные начала анархизма»:

- ❖ Наблюдая за животными сообществами, приходится признать, что нравственное начало «Отнесись к другим так, как ты желал бы, чтобы они относились к тебе при тех же обстоятельствах» встречается везде, где существует общество»;
- ❖ «Объявляя себя анархистами, мы заранее тем самым заявляем, что мы отказываемся обращаться с другими так, как не хотели бы, чтоб другие обращались с нами, что мы не желаем больше терпеть неравенства, которое позволило бы некоторым из нас пользоваться своей силой, своей хитростью или смелостью в ущерб нам. Равенство во всём — синоним справедливости. Это и есть анархия»;

❖ «Принцип равенства обнимает собою все учение моралистов. Но он содержит нечто большее. И это нечто есть уважение к личности. Провозглашая наш анархический нравственный принцип равенства... мы признаём полнейшую свободу личности» (Кропоткин, 1991, с. 299, 301, 307; разрядка Кропоткина).

Что касается последнего тезиса, то в современном мире он не становится менее актуальным. Г. Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» утверждает: «В эпоху Интернета мировой порядок часто приравнивается к утверждению, что если люди имеют возможность свободно получать и обмениваться информацией, то врожденное человеческое стремление к свободе рано или поздно реализует себя...» (Киссинджер, 2019, с. 478). В отношении еще одной фундаментальной категории стоит признать, что в психологическом ракурсе Кропоткин расширил «взаимопомощь» с использованием мнения коллег, например, подчеркивая, что А. Смит увидел происхождение нравственного чувства в обыкновенном чувстве взаимной симпатии. С другой стороны, он проследил эволюционные и психологические механизмы данных феноменов: «чувство взаимной поддержки...постепенно обращалось в привычку и передавалось по наследству, начиная с простейшего микроскопического организма...» (Кропоткин, 1991, с. 296, 298). В этом плане целесообразно привести точку зрения американского социального и политического психолога Э. Аронсона, который в своей известной книге «Общественное животное. Введение в социальную психологию» признал значение биологических работ П. Кропоткина и подтвердил, что его основная работа «Взаимопомощь как фактор эволюции» показала, что поведение, основанное на сотрудничестве и общей цели, имеет огромную ценность для выживания многих биологических видов. В то же время Аронсон отметил, что работа П. Кропоткина в целом была проигнорирована, скорее всего, потому, что «она не соответствовала духу времени или нуждам тех, кто извлекал прибыли из промышленной революции» (Аронсон, 1999, с. 264-265). Несоответствие, по-видимому, было связано также с тем, что будущее общество представлялось Кропоткину как анархисту не вотчиной «субъектов» прибыли, а свободной федерацией

областей, промышленных и земледельческих ассоциаций, а это в целом в то время было социальной утопией. Но стоит признать, что элементы такой «утопии» уже возрождаются в многополярном мире. Что касается духа времени, стоит вспомнить, что после 1902 г. (год издания книги) вскоре начался период революций и войн, и проблемы биологической эволюции животных и человека рассматривались как совершенно неактуальные.

Немаловажно, что более детальные аргументы такого подхода можно найти в точках зрения известных современных зарубежных ученых о позитивных аспектах биосоциальной трактовки и оценки естественно-анархических тенденций, сформулированных ими на примере личности и исследований П. Кропоткина. Напомним, что в годы становления как политика, в последней трети XIX-го века, Кропоткин, по своему признанию убежденно следовал распространенным в Европе призывам к активным гражданам: «внести в поток эволюции человечества новую мощную силу интернациональной организации, борющейся не во имя слащавой любви и милосердия, а во имя справедливости, которая неизбежно должна быть оказана людям, сознавшим свой идеал и цели в жизни» (Кропоткин, 1966, с. 247). Кропоткин не только практически реализовал данный призыв, но и соответствующим образом проявил себя в науке. Известный английский ученый и журналист М. Ридли назвал книгу П. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции» бессмертным наследием и пророческим трудом, в котором «он своими философскими и этическими позициями пришел к заключению, что анархизм — нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества, и перспективы его в свободном «электронном» мире возрастают» (Ридли, 2014, с. 297). Можно сказать, что это хороший источник для гипотез о «судьбе» глобального анархизма в многополярном мире.

Д.С. Уилсон — профессор биологических и антропологических наук Бингемптонского университета (Великобритания), один из авторов популярной в мире книги «Эволюция. От Дарвина до современных теорий» открыто увязывает

естественнонаучные и политические взгляды на взаимопомощь и сотрудничество П. Кропоткина, который был не только натуралистом, но и самым известным анархистом в мире. Причем оценке Уилсона подвергаются разносторонние позиции Кропоткина — от агрессии и авторитаризма до страстного человеколюбия. «Он считал, что если животные способны к проявлению альтруизма без существования правительства, то цивилизованному обществу оно также не нужно, а мы можем жить в мире и вести себя альтруистично. Кропоткин следовал тому, что считал “курсом, начертанным современной философией эволюции”, рассматривая “общество лишь как скопление организмов, пытаюсь найти наилучшие способы согласовать в интересах благополучия рода потребности индивидуума с потребностями кооперации”. Он видел в анархизме следующий этап эволюции» (Эволюция, 2020, с.244).

Детализируя данное высказывание, можно показать ряд следствий. Во-первых, становятся психологически и диалектически более понятными причины и доводы современного признания многополярного мира в качестве «глобального анархизма». Во-вторых, в таком мире более существенную роль должны играть ориентиры альтруизма и кооперации. В-третьих, далеко не всегда могут реализоваться попытки человеческих сообществ полностью избавиться от тенденций консолидации и сотрудничества только ради собственных интересов группы («огруппление запросов») и/или каждого её члена. И в многополярном мире нельзя сбрасывать со счетов предупреждение Бердяева, что «свободные анархические общины могут превратиться в идиллические мещанские утопии, лишенные всякого глубокого содержания» (Бердяев, 1999, с. 663). Вряд ли структуры многополярного мира, особенно на первоначальных этапах, будут избавлены от таких негативных проявлений как nepoтизм — фаворитизм, кумовство, практика привилегий, предоставляемых друзьям или родственникам независимо от их реальных достоинств.

Известный в мире биолог Ф. Вааль в одной из своих книг назвал П.А. Кропоткина «первоклассным натуралистом» и защитником Ч. Дарвина от искажения

некоторых взглядов последнего со стороны известного ученого Т. Гексли. В работе «Справедливость и нравственность» П. Кропоткин вступает в спор с Т. Гексли в первую очередь о сущности высказывания о жизни природы, как «кровавой схватки зубами и когтями». Кропоткин считал, что Гексли своими утверждениями преподает урок «органического зла» для общества от природы, но противоречие видит в известном биологам факте, когда в создаваемых людьми сообществах неизвестно откуда появляется «этический процесс». Кропоткин не только приводит вывод, с которым вполне был бы согласен Ч. Дарвин: нравственное начало в человеке есть не что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе, но и развивает положения такого рода в работе о нравственных началах анархизма. С натуралистическим подходом к таким явлениям вполне согласен Вааль, который призывает не забывать, что животные часто зависят от взаимодействия друг с другом и выживают, в том числе, за счет сотрудничества. В обоснование таких выводов Вааль приводит опыт Кропоткина, который «видел, как в Сибири лошади и овцебыки сбиваются в плотные группы, чтобы спастись от снежных буранов, или берут в защитное кольцо молодняк, оберегая его от волков» (Вааль, 2020, с. 303-304).

Что касается методологического аспекта этических взглядов, то Кропоткин писал, что природа может быть названа *«первым учителем этики, нравственного начала для человека»*. Общественный инстинкт, прирожденный человеку, как и всем общественным животным - вот источник всех этических понятий и всего последующего развития нравственности» (Кропоткин, 1991, с.54-55; курсив Кропоткина). Причем инстинкт у людей — это не какое-то застывшее образование, а динамический феномен. Развитие нравственности в таком случае не может остановиться, особенно у человека, на достигнутых результатах. Как специалист по истокам морали у приматов, Ф. Вааль поддержал П. Кропоткина уже на основе современных научных концепций, утверждая, что нельзя рассматривать природную этику «как пожизненное тюремное заключение.

Природная этика помогает объяснить, как мы пришли к сегодняшнему состоянию, и только; мы, люди, давно научились строить новые здания на старых фундаментах» (Вааль, 2015, с. 334). В этом плане существенно замечание Кропоткина к триаде «взаимопомощь-справедливость-нравственность», в которой третий компонент — нравственность — развившийся позднее первых двух, является непостоянным чувством и считается наименее обязательным, поскольку предполагает динамику в связи со временем и ситуациями. Заканчивая очерк «Нравственные начала анархизма» он утверждал: «Бывают эпохи, сказали мы, когда нравственное понимание совершенно меняется. Люди начинают вдруг замечать, что то, что они считали нравственным, оказывается глубоко безнравственным... Это времена суровой критики старых понятий. Они самый верный признак того, что в обществе совершается великая работа мысли. Это идет выработка более высокой нравственности» (Кропоткин, 1991, с. 316). На наш взгляд, важнейший аспект современной сущности данного замечания можно найти в том, что в структуре многополярного мира в разных странах, национальных институтах и их союзах, а также в индигенных этнических группах возникают и действуют ситуативно-специфические нормы, с которыми определенным сообществам невозможно не считаться. И еще одно: «новое здание» многополярного мира естественно потребует нового прочтения некоторых постулатов нравственности.

Таким образом, не «чувство обиды», «жизненной неудачи», «злопамятства», значимые с точки зрения Н. Бердяева, лежат в нравственно-психологическом фундаменте анархизма «по Кропоткину», а природная этика с её триадой «взаимопомощь-справедливость-нравственность», характерные для всех сообществ животных и человека. Получается, что в такой интерпретации анархизм — это безвластие, основанное на внутренней (естественной) нравственной власти.² Определенным признанием обоснованности концепций Кропоткина о единой взаимосвязанной сущности природы и природной этики служит следующая фраза Уилсона: «Он пришел к выводу, что альтруизм у всех встреченных видов был отделен от

кровного родства. “Не соревнуйтесь!” - писал он в своей авторитетной книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902). — «Этот призыв доносится до нас из кустов, лесов, рек и океана. Поэтому объединяйтесь — практикуйте взаимопомощь» (Эволюция, 2020, с.244).

Наверное, стоит признать, что именно такого рода подходы позволяют развивать взгляды на природную этику не только в её прошлом становлении, но и в её влиянии на коррекцию некоторых сторон будущего человечества, включая переход к многополярному миру. И здесь, по большому счету, нельзя не согласиться с известным физиком-теоретиком, лауреатом Нобелевской премии по физике Э. Шредингером, который, с одной стороны, считает, что основой каждого серьезного этического кодекса (*Tugendlehre*) являлось и является самопожертвование (*Selbstüberwindung*), с другой стороны, определяет данный порядок в качестве закона, приписывая ему стратегическое социобиологическое значение: «Закон этики в простейшем общем виде (будь бескорыстен!) является общепринятым фактом: он существует и с ним согласно даже подавляющее большинство тех, кто не слишком часто следует ему. Я считаю загадочное существование данного закона свидетельством того, что мы находимся в начале пути превращения эгоиста в альтруиста, человеческого существа в *социальное животное*» (Шредингер, 2019, с. 151, 154, курсив Шредингера). В свою очередь М. Ридли задается вопросом: «Неужели мы постепенно начинаем терять свою индивидуальность, чтобы в итоге стать частями всеобъемлющей эволюционирующей структуры под названием общество?» (Ридли, 2014, с.53-54). Скорее всего, возможности таких превращений предугадывал П. Кропоткин в своём «пророческом труде».

ОТНОШЕНИЕ К ВЛАСТИ И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВАМ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Рассматривая в историческом плане проблемы власти, можно отметить, что она далеко не прямым образом связана с анархией. Н. Бердяев двойственно относился к данному явлению. Во-первых, фиксировал, что зло и грех всякой власти русские

чувствуют сильнее, чем западные люди. Но может поражать «противоречие между русской анархичностью и любовью к вольности и русской покорностью государству и согласием народа служить образованию огромной империи» (Бердяев, 1990, с. 169). Во-вторых, он не мог не признавать, что начало власти — вечное начало, а не временная реакция на зло, утверждая: «Но и в вечности, и в жизни небесной начало власти будет существовать в преображенном виде. И там не будет анархии» (Бердяев, 1999, с. 670). В дополнение к данным мыслям, стоит сослаться на точку зрения специалиста по организационной психологии А. Занковского, который считает, что феномен власти незаслуженно обделен вниманием отечественными психологами. Он фиксирует, что для человеческих общин власть в своем развитии стала основанием и сущностью *насильственно-реквизиционных организаций* — дружин и т.п. А с другой стороны отмечает, что «в новой политико-экономической ситуации, когда мир из биполярного превращается в сложную многополюсную систему, конфронтационная парадигма страдает серьезными ограничениями на всех уровнях» (Занковский, 2009, с. 38). Такой подход позволяет утверждать, что если будем признавать только политические истоки многополярного (полицентричного) мира, то будем всегда возвращаться к конфронтационным отношениям, проявляя черно-белую сущность человека, что всегда легче.

Для отхода от такого рода тенденций полезно вспомнить об опыте анархизма в организации малых групп и «союзов свободных групп» при управлении производственной и общественной жизнью в европейских странах XIX-го века. Такой опыт был как бы альтернативой действиям правительств в немалом числе стран, а в некоторых «первичных» организациях многополярного мира и в настоящее время будет нуждаться в изучении. Интересен следующий современный факт. Ф. Фукуяма включил в свою книгу «Мировая либеральная революция» раздел «Корни труда», в котором рассмотрел и определенные аспекты управления, представив различия в производительности труда как различия в политике правительств. Он считает, что

многие из капиталистических с виду стран в Латинской Америке на самом деле представляют собой меркантилистские уродства, в которых годы государственного вмешательства снизили эффективность трудовой деятельности и убили предприимчивость. В своей работе Фукуяма обращается к термину «трудовая этика», в чем-то связанным с «природной этикой», поскольку «подразумевает различия в том, каким образом и до какой степени работа людей определяется культурой и обычаями, то есть в определенном смысле — тимосом» (Фукуяма, 2018, с. 73-74). Пророчески и пессимистически звучит предупреждение автора, что упор на законность и желательность немедленного потребления может привести к резкому спаду трудовой этики. «Создание «общества изобилия» окончательно затупит жало естественных потребностей и склонит людей искать благословения праздности, а не работы» (там же, с. 80-81).

Принципиально важно, что практическая реализация многих идей анархизма осуществлялась в европейских странах в 70-х годах XIX-го века через малые группы, а правление общественной жизнью чаще всего проводилось у анархистов через «союзы свободных групп». Эта тенденция, скорее всего, будет ярче проявляться и в структурах многополярного мира, но иметь несколько иные формы. В обществе, где основу совместной жизни составляют социальные сети и «гаджетное» общение, особо стоит подчеркнуть проверенное практикой анархистов положение о том, что реальное продвижение идей возможно только через трудную работу малых групп, всеобщая связь между которыми выступает альтернативой правительствам. Они неотрывны от стремления индивидов и народов к самобытности и уникальности, и переход к многополярному миру вне их невозможно рассматривать. Отсюда вполне можно трактовать социальные сети как часть человеческой природы, сокрытые в разных сообществах на техническом и организационном уровне инстинкты создания и эксплуатации социальных связей (кстати, Я. Морено использовал сочетание «психосоциальные сети» уже в 40-х годах прошлого века). Они же выступают основным

«механизмом» увеличения роли виртуальных трудовых объединений и, по Кропоткину, «неизвестных масс» в современном обществе.

В расширении позитивных тенденций организации жизнедеятельности первичных рабочих групп в России существенную роль должны сыграть научно-практические разработки психологии труда и психологии управления. С одной стороны, психология труда изучает психологические характеристики трудовой деятельности, а значит, не может оставить вне внимания прикладные особенности государственной политики РФ в области труда и социальной защиты, что потребует перевода передового опыта в практику первичных коллективов, электронных социальных сетей, свободных соглашений и групповых договоров. С другой стороны, измененные оценки анархизма в многополярном мире предполагают возможность (необходимость?) пересмотра стилей управления, и не только в первичных организациях. В научной и учебной литературе наряду с авторитарным (автократичным), демократическим (коллегиальным) используется понятие либеральный стиль, определенным смысловым синонимом которому считается анархический стиль управления (см. Журавлев, 2004). Кстати, есть даже понятие анархический стиль воспитания (непоследовательное руководство) - отсутствие единого подхода к воспитанию в семьях, образовательных учреждениях, малых трудовых сообществах.

Как будут осуществляться психологические закономерности управления в таких «социальных атомах» в условиях многополярного мира — к этому надо подходить на основе научной компетентности. К этому подталкивают и сделанные на основе идей П. Кропоткина рассуждения и призыв М. Ридли, который считает, чтобы обрести социальную гармонию и добродетель, необходимо сокращение могущества и охвата государства. Это не означает порочную войну всех против всех. Это означает деволюцию — деволюцию власти над людьми до приходов, компьютерных сетей, клубов, команд, групп взаимопомощи, маленьких предприятий — всего маленького и локального. Это означает демонтаж бюрократической системы. Пусть национальные и международные

правительства ограничатся минимальной функцией национальной обороны и перераспределения богатств. Теоретическое размышление заканчивается неожиданным призывом и комментарием к нему: «Пусть мир свободных людей Кропоткина вернется... Я сомневаюсь в необходимости власти, которая диктует самые мельчайшие подробности жизни и огромной блохой сидит на спине нации» (Ридли, 2014, с. 297).

Конечно, роль властных органов в конкретных субъектах — государствах, федеральных и региональных структурах - многополярного мира вряд ли сразу и быстро изменит свою сущность. В то же время нельзя рассматривать только «крайние» формы характера управления и власти. Сегодня в общественных науках исследователи нередко заостряют внимание на различиях между «жесткой властью», т.е. властью, основанной преимущественно на экономическом и военном принуждении, и «мягкой властью». Последняя основана на стремлении управленцев определенных стран делать так, чтобы и граждане, и другие государства-партнеры желали того, чего хотят они за счет внутреннего и международного авторитета своих идей и начинаний. Анархия категорично может выступить против жесткой власти, но с «мягкой» вступить в диалог.

Проведенные нами опросы в Байкальском регионе (N=422) показали, что некоторые ресурсы, связанные с анархизмом, могут оказать помощь в анализе и коррекции этнополитических и социально-психологических вопросов и перекликаются с некоторыми позитивными идеями... Так, в ответах наших респондентов о необходимости перехода стран и народов к многополярному миру отмечены: установление равноправия в межгосударственных и межнациональных отношениях (33,4%), тенденции к современному разделению мира без претензий кого-то на лидерство (32,2%), необходимость укреплять доверие в международном взаимодействии (29,1%), снижение амбиций лидеров и элит ряда стран, считающих себя «пупами земли» (24,2%), противодействие авторитарным тенденциям управления экономикой и экологией стран и регионов земного шара (22,8%).

СИБИРСКИЕ СТИМУЛЫ ПОЗИЦИЙ АНАРХИЗМА

Зарубежные исследователи, мнения которых о П. Кропоткине и его трудах приводятся в статье, свои оценки строили на основании его теоретических работ и, отчасти, международной революционно-анархической деятельности. Но направления российского анализа причин и факторов становления будущего анархиста Кропоткина и его концепций не могут быть полными без рассмотрения его практического опыта в Сибири. Стоит вспомнить, что первые уроки «изучения жизни и человеческого характера», приведшие впоследствии к анархизму, русский князь П. Кропоткин получил, будучи молодым офицером, чиновником сибирских генерал-губернаторств и руководителем экспедиций по изучению российской (и не только) территории Центральной Азии. Он сам признавался: «Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли научился в другом месте... В Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом» (Кропоткин, 1966, с. 207-208). В своей автобиографической работе «Записки революционера» П. Кропоткин показывает ряд ситуаций и идей, которые стали понятными ему именно в Сибири:

- Воспитанный - как он говорил о себе - в помещичьей семье, Кропоткин увидел полное отсутствие помещичьих владений в Сибири, в значительной мере оценил роль общинного хозяйствования, которая проявлялась и у русских старожилов, и у старообрядцев, и в казацком самоуправлении, и, особенно, в аборигенных сообществах;
- Он констатировал, как мало могут дать правительство и «административная машина» в ежедневной жизни сибирских крестьян, даже если местные властные органы одушевлены лучшими намерениями;
- Кропоткин видел, как духоборы (старообрядцы) со своей ориентированной на свободу анархической психологией переселялись на Амур, сколько выгод давала им их полукоммунистическая жизнь, и как удивительно они устроились там, где другие

переселенцы терпели неудачу (нельзя не напомнить, что Н.Бердяев считал раскол церкви в XVII-м веке одним из стимулов анархизма в России);

- Как представитель губернской власти он взаимодействовал с «бродячими» инородцами и видел, какой сложный общественный строй выработали малые народы и аборигенные этносы помимо всякого влияния цивилизации (подробнее см. Карнышев и др., 2025);
- В конечном счете, он с помощью непосредственных наблюдений понял роль, которую «неизвестные массы» играют в крупных исторических событиях: переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни.

ВЫВОДЫ

Появление современных оценок многополярного мира в качестве «глобального анархизма», как и признание актуальности некоторых тенденций теории и практики традиционного анархизма отечественными и зарубежными учеными, выступают основанием для конкретизации возможностей данного учения в решении проблем многополярного мира. Ведь множеству стран, а тем более индивидуальных и групповых «субъектов» многополярного мира невыгодно, когда им навязывают чью-то монополию на буквально всё — от моделей организации до условий безопасности и экономических ориентиров. А, следовательно, продвижение к многополярному (полицентричному) миру может только выиграть, если будет учитывать следующие позитивные стороны теории и практики анархизма:

- уроки из того времени, когда анархизм выступал интернациональным политическим движением, в котором важнейшую роль играло сотрудничество между передовыми представителями разных народов и стран;
- культивирование идеи самостоятельности и свободной личной инициативы, независимости суждений и способов выражения их на основе уважения к личности, её ориентации на альтруизм, кооперацию и отказ от излишних патерналистских тенденций властных структур;

- признание и использование в «бесправительственных» формах организации сообществ и институтов «природной этики», регулирующей важнейшие поступки и поведение человека, прежде всего, в отношении взаимопомощи: *взаимная помощь есть общее правило*, справедливости и равенства во взаимодействии, отсутствия превалирования эгоистических тенденций у индивидуальных субъектов многополярного мира;
- признание роли неизвестных масс и глубинных истоков общества, стимулирующих сегодня видеть конкретные варианты проявления этих «идей» в информационном обществе и опираться на них;
- изучение опыта малых групп и «союзов свободных групп» в управлении общественной жизнью и перевод этого опыта, прежде всего в практику электронных социальных сетей, свободных соглашений и групповых договоров;
- основанное на конкретных фактах сомнение в обоснованности приписывания правительствам и законам того, что в действительности является результатом собственных привычек и инстинктов различных сообществ, внедрение в жизнь таких ресурсов;
- признание обоснованности концепции, что анархизм представляет собой философию как природы, так и общества, и должен быть построен максимально с учетом методов, какие интегрально применяются в естественных и социальных науках.

Для многополярного (полицентричного) мира важно, что анархизм не признаёт закристаллизованность общества в какую-нибудь неподвижную форму: оно будет, напротив, беспрерывно изменять свой вид, потому что это есть живой, развивающийся организм.

ЛИТЕРАТУРА

Аронсон Э. Общественное животное: введение в социальную психологию / пер. с англ. М. А. Ковальчук. Москва: Аспект пресс, 1999. 516.

- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Издательство Юрайт, 2025. 178 с.
- Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре : Философы рус. послеокт. зарубежья: Сборник / Сост. М.А. Маслин. М.: Наука, 1990. С.43-271.
- Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
- Бовина И.Б., Голынчик Е.О. Многополярный мир: от политологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2012. №1. С. 49-60.
- Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И.А. Женина; под науч. ред. Я.Н. Охонько. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений / вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. 988.
- Де Вааль Ф. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов / Пер. с англ.: Н. Лисова. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 384 с.
- Де Вааль Ф. Последнее объятие Мама. Чему нас учат эмоции животных / Пер. с англ. М. Десятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 442 с.
- Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.
- Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия. М.: ИП РАН, 2004.
- Занковский А.Н. Организационная психология. М.: Форум, 2009. 648 с.
- Карнышев А.Д. Взаимодействие ресурсов организационной и экономической этнопсихологии в реализации идеи многополярного мира // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии». Москва, 17-18 октября 2024 г. М.: ИП РАН, 2024. С. 587-593.
- Карнышев А.Д., Иванова Е.А. Экономическая этнопсихология и изоморфизм как источники ресурсов организации сообществ и институтов многополярного мира // Организационная психология. Том 14. № 4. 2024. С. 262–279. DOI: 10.17323/2312-5942-2024-14-4-252-269
- Карнышев А.Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Ресурсы личности и межэтнического взаимодействия в многополярном мире: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2025. 191 с.

- Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ.: К.М. Королева. М.: АСТ, 2023. 544 с.
- Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Советская Россия, 1966. 544 с.
- Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. М.: Политиздат, 1991.
- Кропоткин П.А. Этика. Из фрагментов 2-го тома «Этики» // Опыты. Литературно-философский сборник. М.: Советский писатель, 1990. С.248-270.
- Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. Пер. с англ. А. Боковой; под науч. ред. Р. Золотовицкого. М.: Академический проект, 2004. 384 с.
- Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. От инстинктов к сотрудничеству / Пер. с англ. А. Чечиной. М.: Эксмо, 2014. 336 с..
- Семенов В. Е. Полиментальность и многообразие идеологий в аспекте российской идентичности // Актуальные проблемы современной социальной психологии и её отраслей. Сборник научных трудов. М.: ИП РАН, 2023. С. 877-883.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, Мидгард, 2022. 576 с.
- Фукуяма Ф., Бродель Ф. Триумф глобализма. Конец истории или начало? : сб / пер. с англ. М. Б. Левина, пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М. : Эксмо, 2018. 240с.
- Шредингер Э. Что такое жизнь? / пер. с англ. К.С. Егоровой. М.: Издательство АСТ, 2019.
- Эволюция. От Дарвина до современных теорий / пер. с англ. О.Д. Сайфудинова. М.: Издательство АСТ, 2020.

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025. Статья опубликована: 12.12.2025.

THE ATTITUDE TO POWER AND PERSONALITY IN ANARCHISM AND THE PECULIARITIES OF THEIR MANIFESTATION IN A MULTIPOLAR WORLD

© 2025 A.D. Karnyshev*, O.A. Karnysheva**

** Sc.D. (psychology), Professor, Head of the Interdisciplinary Laboratory of Psychological,
Economic and Cross-Cultural Studies of the Institute of Social Sciences, Irkutsk State
University; Irkutsk, Russia;
e-mail: ale3441@yandex.ru*

*** PhD (psychology), Associate Professor of the Department of Psychology of Education
and Personality Development of the Pedagogical Institute, Irkutsk State University;
Irkutsk, Russia;
e-mail: borisovvla@yandex.ru,*

The positions that the multipolar world can be considered as "global anarchism", "a manifestation of the era of international anarchy" are outlined. At the same time, it is reflected that in traditional and modern sources, the content of anarchism includes not only and not so much attention to the idea of lack of leadership and powerlessness, but rather the emphasis on the tendencies of individual self-activity and free initiative. It is shown that the triad "mutual assistance-justice-morality" in the evolution of all living things, including and people, and in general, "natural ethics", were one of the main subjects of ethical research of anarchism by one of its main theorists, P. Kropotkin. At the same time, he saw anarchism as the next stage of biological evolution. The article shows that, despite the generally contradictory moral and psychological assessment of anarchism, there are positive views on Kropotkin's theory by Russian philosophers N. Berdyaev and S. Bulgakov. It also reveals the reasons and facts of the recognition of Kropotkin's ideas among modern well-known Western researchers, natural scientists and psychologists (E. Aronson, F. de Waal, D. Wilson). The English scientist and journalist M. Ridley called P. Kropotkin's book "Mutual Assistance as a Factor of Evolution" an immortal legacy and prophetic work in relation, first of all, to the ideals of a free society. Among the positive trends of anarchism that are significant for the multipolar world are: ways to reconcile the needs of an individual with the needs of cooperation in the interests of the well-being of communities; orientation towards natural ethics through the universal moral principle "Treat others the way you would like them to treat you under the same circumstances"; recognition that anarchism can categorically oppose "hard" power, but with "soft" enter into a dialogue. Among the relatively negative ones are: social atomism that fuels extreme egoism, the antisocial consequences of the slogan "the passion for destruction is a creative passion"; there is

a danger that free anarchic communities may turn into idyllic petty—bourgeois utopias, psychologically linked not only to selfishness, but also to nepotism - favoritism, nepotism, etc. The authors believe that in these aspects it is necessary to strengthen the role of labor psychology and organizational psychology, as well as to adjust the management style and upbringing.

Key words: global anarchism, polycentric world, polyethnicity and polymentality, mutual assistance, natural ethics, indigeneity, freedom and self-activity of the individual, "hard" and "soft" authorities, nepotism.

REFERENCES

- Aronson, E. (1999). *Obshchestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu* [Social animal. Introduction to social psychology]. (M.A. Kovalchuk, Trans). Moscow: Aspect-press. (in Russian).
- Berdyayev, N.A. (2025). *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. Moscow: Yurayt Publishing House. (in Russian).
- Berdyayev, N.A. (1990). Russkaya ideya [The Russian Idea]. In: *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture* [About Russia and Russian philosophical culture], M.A. Maslin (Ed.). (pp.43-271). Moscow: Nauka. (in Russian).
- Berdyayev, N.A. (1999). *Sud'ba Rossii: Sochineniya* [The Fate of Russia: Essays]. Moscow: EKSMO-Press. (in Russian).
- Bovina, I.B., & Golynchik, E.O. (2012). Mnogopolyarnyi mir: ot politologii k sotsial'noi psikhologii [The multipolar world: from political science to social psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Ser. Psychology], 1, 49-60. (in Russian).
- Bolz, N. (2009) Diskurs ober die Ungleichheit. Ein Anti-Rousseau [Discourse about inequality. Anti-Rousseau]. Monchen: Wilhelm Fink Verlag. (Russ. ed.: Bolz, N. Razmyshlenie o neravenstve. Anti-Russo. (I.A. Zhenin, Trans.). Moscow: NRU HSE, 2014. 272 p.).
- Bulgakov, S.N. (2007). *Istoriya ehkonomicheskikh i sotsial'nykh uchenii* [History of economic and social doctrines]. V.V. Sapov (Ed.). Moscow: Astrel. (in Russian).
- De Waal, F. (2013). *The Bonobo and the atheist: In search of humanism among the primates*. N.Y.: W.W. Norton & Co. Publ. (Russ. ed.: de Waal, F. Istoki morali. V poiskakh chelovecheskogo u primatov. (N. Lisov, Trans.). Moscow: Alpina Publ., 2014. 384 p.).
- De Waal, F. (2019). *Mama's last hug: Animal emotions and what they tell us about ourselves*. N.Y., London: W.W. Norton & Co., 2019. 336 p. (Russ. ed.: De Waal, F. Poslednee ob'yatie Mamy. Chemu nas uchat emotsii zhivotnykh. (M. Desyatova, Trans.). Moscow: Alpina Non-Fiction, 2020. 442 p.).

- Dugin, A.G. (2013). *Teoriya mnogopolyarnogo mira [Theory of the multipolar world]*. Moscow: Eurasian Movement. (in Russian).
- Zhuravlev, A.L. (2004). *Psikhologiya upravlencheskogo vzaimodeistviya [Psychology of managerial interaction]*. Moscow: IP RAS. (in Russian).
- Zankovsky, A.N. (2009). *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational psychology]*. Moscow: Forum. (in Russian).
- Karnyshev, A.D. (2024). Vzaimodeistvie resursov organizatsionnoi i ehkonomicheskoi ehtnopsikhologii v realizatsii idei mnogopolyarnogo mira [Interaction of organizational and economic ethnopsychology resources in the realization of the idea of a multipolar world]. Proceedings from Current state and prospects of development of labor psychology and organizational psychology *IV Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferenciya (Moskva, 17-18 oktjabrja 2024). IV International scientific and practical Conference (Moscow, October 17-18, 2024)*. (pp. 587-593). Moscow: IP RAS. (in Russian).
- Karnyshev, A.D., & Ivanova, E.A. (2024). Ehkonomicheskaya ehtnopsikhologiya i izomorfizm kak istochniki resursov organizatsii soobshchestv i institutov mnogopolyarnogo mira [Economic ethnopsychology and isomorphism as sources of resources for organizing communities and institutions in a multipolar world]. *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]*, 14(4), 262-279. (in Russian). DOI: 10.17323/2312-5942-2024-14-4-252-269
- Karnyshev, A.D., Ivanova, E.A., & Karnysheva, O.A. (2025). *Resursy lichnosti i mezhehtnicheskogo vzaimodeistviya v mnogopolyarnom mire: monografiya [Resources of Personality and Interethnic Interaction in a Multipolar World: Monograph]*. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House. (in Russian).
- Kissinger, H. (2015). *World order*. N.Y.: Penguin Books. (Russ. ed.: Kissinger, H. Mirovoi poryadok. (K.M. Korolev, Trans). Moscow: AST, 2023. 544 p.). (in Russian).
- Kropotkin, P.A. (1966). *Zapiski revolyutsionera. [Notes of a revolutionary]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (in Russian).
- Kropotkin, P.A. (1991). *Ehtika: Izbrannye trudy [Ethics: Selected works]*. Moscow: Politizdat. (in Russian).
- Kropotkin, P.A. (1990). Ehtika. Iz fragmentov 2-go toma «Ehtiki» [Ethics. From fragments of the 2nd volume of Ethics]. In: *Experiments. Literary and philosophical collection*, (pp.248-270). Moscow: Soviet writer. (in Russian).
- Moreno, J.L. (1983). Sociometry, experimental method and the science of society: An approach to a new political orientation. Oxford: Beacon House Publ. (Russ. ed.: Moreno, J.L. Sotsiometriya: Eksperimental'nyy metod i nauka ob obshchestve. R.

Zolotovitsky (Ed.), (A. Bokovikov, Trans.). Moscow: Academic Project Publ., 2004. 384 p.).

Ridley, M. (1998). *The origins of virtue: Human instincts and the evolution of cooperation*. N.Y., London: Penguin Books Publ. (Russ. ed.: Ridley, M. Proiskhozhdeniye al'truizma i dobrodeteli. Ot instinktov k sotrudnichestvu. (A. Chechina, Trans.). Moscow: Eksmo Publ., 2014. 336 p.).

Semenov, V.E. (2023). Polimental'nost' i mnogoobrazie ideologii v aspekte rossiiskoi identichnosti [Polym mentality and diversity of ideologies in the aspect of Russian identity]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi sotsial'noi psikhologii i ee otraslei. Sbornik nauchnykh trudov. [Actual problems of modern social psychology and its branches. Collection of scientific papers]*. (pp. 877-883). Moscow: IP RAS. (in Russian).

Huntington, S.P. (1996). *The clash of civilizations and the remaking of world order*. N.Y.: Simon & Schuster Publ. (Russ. ed.: Huntington, S. Stolknovenie tsivilizatsiy. (Yu. Novikov, Trans.) Moscow: AST, Midgard Publ., 2022. 276 p.).

Fukuyama, F., & Braudel, F. (2018). *Triumf globalizma. Konets istorii ili nachalo?* [The triumph of globalism. The end of history or the beginning?]. (M.B. Levin, L.E. Kubbel, Trans.) Moscow: Rodina.

Schrodinger, E. (1967). What is life? Mind and matter. Cambridge: CUP Publ., 1967. 178 p. (Russ. ed.: Schrodinger, E. Chto takoe zhizn'? Moscow: AST Publishing House. RIMIS Publ., 2019. 176 p.).

Saifudinova, O.D. (Trans). (2020). *Ehvolutsiya. Ot Darvina do sovremennykh teorii. [Evolution. From Darwin to Modern Theories]*. Moscow: AST Publishing House (in Russian).

The article was received: 07.09.2025. Published online: 12.12.2025

Библиографическая ссылка на статью:

Карнышев А.Д., Карнышева О.А. Отношение к власти и личности в анархизме и особенности их проявления в многополярном мире // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2025. Т. 10. № 4. С. 4–32. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2025_37_4_001

Karnyshev, A.D., Karnysheva, O.A. (2025). Otnoshenie k vlasti i lichnosti v anarhizme i osobennosti ih proyavleniya v mnogopoljarnom mire [The attitude to power and personality in anarchism and the peculiarities of their manifestation in a multipolar world]. Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Work]. 10(4). 4–32. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2025_37_4_001

Адрес ссылки: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document1168.pdf>